

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-68

Вырезка из газеты
БРЯНСКИЙ РАБОЧИЙ

г. Брянск

Евгений ПЕТРОСЯН, заслуженный артист РСФСР

ОН ВЫХОДИТ на сцену со шваброй за спиной, протретой в оба рукава пиджака. Руки бессильно повисли на швабре, на голове памятная шляпа — ну чуело-чуелом. Но в голосе проскальзывают нотки повелительности, когда он шикает на ворон: «Кыш, кыш, не все сразу, приму по очереди!» Положительно, и тут, на задворках, он не перестает чувствовать себя начальником. И неважно, что до того, как его выставили сюда, он успел завалить все дела то в одном, то в другом ведомстве. Важно сознание собственной значимости. Вот и тут он величает себя «директором огорода», хотя назначение его теперь сугубо утилитарное: пугало. Миниатюра эта так и называется «Пугало».

— Евгений Ваганович, когда Вы выходите на сцену — а, к сожалению, мы видим Вас большей частью по телевизору с отдельными номерами в больших концертах, — поначалу и не скажешь, что это артист комического жанра. Этаким интеллигентный, добрый, улыбчивый человек, с мягким выражением лица, а говорит чаще всего о весьма нелегкоприятном.

— Ну что ж, в этом, может, как раз и есть элемент неожиданности, без которого нет юмора, нет смешного. Что же касается остроты, злободневности выступлений — это появляется с годами. Сначала, по молодости, нравится просто веселить публику. Растет личность актера — крепнет его гражданская позиция, появляется желание говорить о самом существенном, самом наиболее...

— И тогда словно оживают темы, которые могут показаться для эстрады «тяжеловесными»: производственный план, дисциплина труда... Но вернемся к тому, что Вы назвали «сначала». Давно ли это было, начало, и каким оно было?

— Эстрадой я увлекся с детства — это был какой-то фанатизм. В 12—13 лет изучил, наверное, половину репертуара всех известных в ту пору артистов эстрады. Часами просиживал в библиотеках, испробовал в самостоятельности все жанры — от опереточного до кукольного. Родители по-матривали на это с сомнением. Мама говорила, что быть плохим артистом — «несчастье с общественным звучанием». Слишком многим, мол, это приносит неудобства. «А хороший артист из тебя, — добавляла она, — вряд ли получится, так что я тебе не советую...»

Правда, немного времени спустя, после одного из своих концертов, я слышал, как она кому-то объясняла, что «это» — ее сын. На эстраде я с семнадцати лет. И первая программа, в которой пришлось выступать уже как профессио-

налу, называлась «В жизни раз бывает восемнадцать лет».

— А какова была Ваша школа?

— По времени учеба в студии эстрадно-циркового училища заняла немного — за полгода, сдав экстерном экзамены, я прошел весь положенный курс, но у меня были замечательные учителя — Рина Зеленая, Мария Миронова, Александр Менакер... А вскоре меня взяли в государственный оркестр под управлением Леонида Утесова. Помню первые гастролы в Ленинграде, молодое чувство неуверенности: спереди — зрители, сбоку — оркестр, сбоку — Утесов, такой всегда требовательный к себе и к другим. Он сам до последнего выхода на сцену волновался, как начинающий артист. А стоило сделать по сцене первые шаги — совершенно преобразился. Годы работы с ним дали необычайно много. Кстати, с его оркестром мы приезжали в Брянск в начале 1965 года...

— Искусство смеха — тонкое, сложное, острое оружие. Каких качеств оно требует от актера?

— Как всякое искусство, оно требует прежде всего фанатизма, абсолютной преданности ему. У меня есть миниатюра, которая называется «Дирижер» А. Хайта. Идет она под музыку Бетховена — артист взмахнул палочкой, зазвучала Пятая симфония... Дирижер ведет оркестр, а в это время в голову его начинают лезть всякие посторонние мысли: вчера опять с женой поругался; надо бы для дочери сапоги достать; ремонт в квартире никак не закончится — кафеля не хватило... И музыка сбивается, гложет, пропадает. Артист не может размениваться, растрачиваться попустому...

— Вы уже назвали одного из авторов, пишущих для Вас, — автор известный, признанный...

— Кое-кто из моих коллег считает, что мне везет с авторами — их ведь не так много, хороших. Действительно,

я работаю с лучшими: Жванецкий, Задорнов, Левин, Альтов... Но это вопрос не столько везения, сколько долгой, трудной, кропотливой работы актера в содружестве с литератором. Некоторые миниатюры, с которыми выступаю, в процессе доработки переписывались до восьми раз. Два рассказа мне, между прочим, подарил когда-то Виктор Драгунский. Да, не удивляйтесь: тот самый Драгунский, который потом написал «Денискины рассказы». Теперь мало кто знает, что начинал он занятным артистом эстрады. «Синяя птичка» — так назывался ансамбль, с которым он начинал.

— Брянский зритель был очень рад увидеть Вас наконец в цельном представлении. Мы знаем, что многие годы уже Вы выступаете с собственными концертами, один из которых «Доброе слово и кошке приятно» получил высокую оценку критики...

— Первое доброе слово о «Добром слове» сказали мои учителя, Александр Менакер, придя ко мне за кулисы после премьеры, сказал: «Вам удалось сделать ни на что не похожее зрелище». Это было высшей похвалой. В искусстве ведь есть подлинники и есть копии. Ценятся они, как известно, по-разному. Каждому артисту хочется создать что-то свое. Не знаю, насколько это мне удастся, — судить зрителю. Кстати, вы правы, то, что предстает перед зрителем в концертах по телевидению, далеко не способствует истинному представлению об актере. И в этом смысле я очень рассчитываю на фильм, только что снятый объединением «Экран». Он называется «С разных точек зрения» и должен выйти в ноябре—декабре.

— Выступая у нас, Вы говорили о первых шагах своих в режиссуре...

— Да, это следующие шаги на пути «создать что-то свое». Быть может, даже свой театр.

Интервью взяла

Е. ЧАЛИЯН.

Фото И. Мелешенко.